

Священник Іоаннъ Сергѣевъ и его сочиненіе о „христовщинѣ“.

Издаваемый нами памятникъ представляетъ собой первый по времени опытъ систематическаго изложенія вѣроученія и культа секты „людей божіихъ“. Составителемъ этого труда былъ священникъ села Забѣлина, Калужскаго уѣзда, *Іоаннъ Сергѣевъ*. Написанный главнымъ образомъ на основаніи личныхъ наблюденій автора, памятникъ впоследствии получилъ значеніе первоисточника, а самъ о. Сергѣевъ сталъ считаться авторитетомъ, къ которому даже и до сего времени обращаются изслѣдователи.

О. Сергѣевъ родился, какъ слѣдуетъ думать, въ 70-хъ годахъ 18-го столѣтія;¹⁾ въ „ревизской сказкѣ“ 1795-го года ему, между про-

¹⁾ О жизни и дѣятельности о. Сергѣева, этого „замѣчательнаго, — по выраженію Н. П. Надеждина, — для исторіи хлыстовщины человѣка“ (см. его „Изслѣдованіе о скопческой ереси“ въ изд. Кельсева, стр. 112, примѣч. 143) въ специальной литературѣ имѣются довольно скудные свѣдѣнія. Мы располагаемъ болѣе подробными данными, которые и приводимъ здѣсь. Наши данныя основываются на официальной справкѣ Калужской Духовной Консисторіи, отъ 19-го декабря 1914 года, за № 22427, учиненной вслѣдствіе отношенія Московскаго Архива Министерства Юстиціи отъ 3-го ноября того же года, за № 1043. Въ той части справки, которая непосредственно относится къ личности священника Сергѣева, мы читаемъ слѣдующее.

„Что касается бывшаго священника Преображенской церкви (построена въ 1755 г.) села Забѣлина, Калужскаго уѣзда, Ивана Сергѣева, то о немъ въ ревизской сказкѣ этой церкви за 1795 годъ написано: священникъ Иванъ Сергѣевъ 27 лѣтъ отъ роду, во священника произведенъ преосвященнымъ Серапіономъ, епископомъ Дмитровскимъ, въ 1795 году, марта 23 дни, за подписаніемъ котораго и грамоту имѣть; по службѣ исправень,

чимъ, показано 27 лѣтъ отъ роду.*) Онъ не былъ чуждъ школьнаго образованія; въ той же „ревизской сказкѣ“ о немъ написано, что онъ „учился въ поэзіи.“ Послѣднее указаніе „ревизской сказки“ даетъ основаніе думать, что полной школы о. Сергѣевъ не прошелъ: его образованіе

учился въ поэзіи, поведенія хорошаго; за небытіе въ 1795 году на исповѣди оштрафованъ по указу 50-ю копѣйками; имѣеть сына Петра, 1 года отъ роду.

„По исповѣднымъ росписямъ за 1808 годъ значится: „священникъ Іоаннъ Сергѣевъ 37 лѣтъ, жена его Матрона Петрова 34 лѣтъ, дѣти ихъ: Евдокія 14 лѣтъ, Елисавета 12 лѣтъ, Петръ 11 лѣтъ“. Какъ священникъ Іоаннъ Сергѣевъ, такъ и семейство его отмѣчены исполнявшими христіанскій долгъ исповѣди. Тоже значится и въ исповѣдныхъ росписяхъ за 1809 годъ, но съ добавленіемъ лѣтъ священнику Іоанну Сергѣеву и семейнымъ его.

„Священникъ Іоаннъ Сергѣевъ при церкви села Забѣлина до 1810 года, что удостоверяется подписаніемъ имъ метрическихъ книгъ за 1809 годъ.

„Въ дѣлѣ 1809 года за № 2364 имѣется справка (лист. 6) по прошенію студента богословія Григорія Соколова объ опредѣленіи его на мѣсто священника къ церкви села Забѣлина, Калужскаго уѣзда. Въ этой справкѣ, подписанной секретаремъ Консисторіи Протопоповымъ, изложено, между прочимъ, что мѣсто священника при Забѣлинскомъ храмѣ праздно, ибо „священникъ Иванъ Сергѣевъ, 37 лѣтъ, женатъ, переведенъ къ Калужской Покровской церкви, что подъ горою, во священника-жъ“.

„Въ ревизской сказкѣ церкви села Забѣлина за 1811 г. говорится, что къ этой церкви опредѣленъ во священника состоящій при ней священникъ Григорій Петровъ „на убылое мѣсто въ 1809 году“.

„Дѣлъ объ опредѣленіи Григорія Петрова на мѣсто священника къ Забѣлинскому храму и перемѣщеніи священника Іоанна Сергѣева изъ села Забѣлина къ Калужской подгоро-Покровской церкви не значится по алфавитамъ и описямъ Консисторіи, а также въ связкахъ дѣлъ за 1809 и 1810 годы. Нѣтъ дѣла и объ опредѣленіи Іоанна Сергѣева къ Забѣлинской церкви въ 1795 году.

„Изъ метрическихъ книгъ Калужской Покровской церкви, „что въ кожевняхъ“, видно, что книги за 1809 и 1810 годы были выданы изъ Консисторіи священнику Іоанну Сергѣеву. Одна изъ книгъ, а именно за 1810 годъ, подписана Іоанномъ Сергѣевымъ, а также исповѣдныя росписи названной церкви за тотъ же годъ. Въ этихъ росписяхъ священнику Іоанну Сергѣеву показано 40 лѣтъ отъ роду, женѣ его Матронѣ Петровой 37 лѣтъ, дочери Елисаветѣ 15 лѣтъ и сыну Петру 14 лѣтъ; христіанскій долгъ исповѣди ими исполненъ въ 1810 году. Обращая вниманіе на то, что метрическія книги Покровской, что въ кожевняхъ, церкви за 1809 годъ выданы священнику Іоанну Сергѣеву, представляется не лишнимъ сказать, что исповѣдныя росписи этой церкви за тотъ же годъ подписаны священникомъ Калужской Знаменской церкви Гаврииломъ Николаевымъ, при чемъ о священникѣ Покровской церкви ничего въ росписяхъ не сказано. Метрическая книга для Покровской, что въ кожевняхъ, церкви за 1811 годъ выдана Консисторіею священнику Стефану Петрову и имъ же подписана. По исповѣднымъ росписямъ за 1811 годъ священнику Стефану Петрову показано 24 года отъ роду. Въ ревизской же сказкѣ Покровской церкви, что въ кожевняхъ, за 1811 годъ говорится, что священникомъ сей церкви былъ Тихонъ Андреевъ, который умеръ въ 1808 году. Вышеупомянутый Стефанъ Петровъ отмѣченъ въ означенной сказкѣ: „произведенъ къ сей церкви на убылое штатное священническое мѣсто въ 1811 году“. Въ ревизской сказкѣ Калужской Покровской церкви, въ кожевняхъ, за 1815 годъ священникомъ показанъ

остановилось на классѣ поэзіи. Что заставило о. Сергѣева прервать школьныя занятія и въ какомъ положеніи очутился онъ по окончаніи своего ученія—неизвѣстно. Наиболѣе вѣроятнымъ представляется, что послѣ школы онъ немедленно началъ обычный для священнослужителя стажъ, т. е. сначала, вѣроятно, былъ понамаремъ, а затѣмъ діакономъ. Гдѣ протекалъ начальный періодъ служебной карьеры о. Сергѣева и сколько времени онъ продолжался—сказать затрудняемся. Въ 1795-мъ году преосвященнымъ Серапіономъ, епископомъ Дмитровскимъ, Сергѣевъ возводится въ санъ священника и опредѣляется къ церкви села Забѣлина. Ко времени поступленія на приходъ у о. Сергѣева было уже трое дѣтей: Евдокія, Елизавета и Петръ, при чемъ послѣдній имѣлъ только одинъ годъ отъ рожденія.¹⁾ Семейное положеніе о. Сергѣева ко времени опредѣленія его на священническое мѣсто даетъ основаніе думать, что женился онъ не раньше 1790-го года, когда, вѣроятно, назначался на діакопскую должность. Жену его звали Матроной Петровой, бывшей, повидимому, моложе своего мужа на три

Алексѣй Ивановъ, 32 лѣтъ, опредѣленный на занимаемое мѣсто въ 1813 году. Относительно прежняго священника Стефана Петрова объяснено въ сказкѣ, что онъ выбылъ въ 1814 году Мещовскаго уѣзда въ село Клѣтино, въ то жъ званіе. Въ тѣхъ же ревизскихъ сказкахъ (за 1811 и 1815 гг.) про священника Ивана Сергѣева или семейство его ничего не говорится.

Дѣла объ опредѣленіи къ Калужской Покровской церкви, что въ кожевняхъ, на мѣсто священника Стефана Петрова (въ 1811 г.) Алексѣя Иванова (въ 1813 г.) и о смерти священника Тихона Андреева (умеръ въ 1808 г.) не разыскано въ архивѣ Консисторіи, а также дѣла объ отчисленіи отъ этой церкви или перемѣщеніи и смерти (если это было) священника Ивана Сергѣева“.

*) Указаніе „ревизской сказки“ о числѣ лѣтъ о. Сергѣева едва ли можетъ быть названо безусловно точнымъ. По „ревизской сказкѣ“, въ 1795 году ему было 27 лѣтъ, а по „исповѣднымъ росписямъ“ 1808 года онъ имѣлъ въ этомъ (т. е. 1808 г.) только 37 лѣтъ, хотя съ 1795 года прошло не 10, а 13 лѣтъ. Намъ кажется, что „исповѣдныя росписи“ 1808 года въ данномъ случаѣ стоятъ ближе къ истинѣ, такъ какъ ихъ обозначеніе болѣе соотвѣтствуетъ указаніямъ по тому же поводу какъ „справки“ въ дѣлѣ 1809 года, за № 2364, такъ и „исповѣдныхъ росписей“ за 1810 годъ. Поэтому мы думаемъ, что въ 1795 о. Сергѣеву было не 27 лѣтъ, а нѣсколько меньше; но во всякомъ случаѣ не меньше 24 лѣтъ.

¹⁾ Въ „ревизской сказкѣ“ 1795 года показанъ только сынъ Петръ, дочери же со-всѣмъ не названы. Въ „исповѣдныхъ же росписяхъ“ 1808 года у о. Сергѣева значатся дѣти: Евдокія—14 лѣтъ, Елисавета—12 лѣтъ и Петръ—11 лѣтъ. Обѣ дѣвочки, какъ видно, были старше Петра; слѣдовательно, въ 1795 году онъ несомнѣнно уже были на свѣтѣ, при чемъ первая имѣла, повидимому, 4 года отъ роду, а вторая—2 года. Въ 1810 году старшей дочери о. Сергѣева въ „исповѣдныхъ росписяхъ“ не числится. Можетъ быть, къ этому времени она успѣла выйти замужъ, а можетъ быть, она и умерла.

года.¹⁾ Въ селѣ Забѣлинѣ о. Сергѣевъ оставался, вѣроятно, почти до конца 1809 года,²⁾ когда и былъ перемѣщенъ отсюда къ Калужской Покровской, что подъ горой или въ кожевняхъ, церкви. Здѣсь онъ священствовалъ до 1811-го года.³⁾ Что стало потомъ съ о. Сергѣевымъ: былъ ли онъ перемѣщенъ куда отсюда, или умеръ, или былъ отчисленъ вообще отъ священнической должности—объ этомъ ничего неизвѣстно.

Судя по всему, о. Сергѣевъ представлялъ собою далеко не обычный типъ сельскаго священника. Прежде всего, онъ не былъ неграмотнымъ служителемъ алтаря, какихъ въ то время можно было встрѣтить довольно много, особенно въ сельскихъ приходахъ. Правда, его образованіе, какъ мы отмѣтили, не было законченнымъ. Онъ не успѣлъ пройти реторики, философіи и богословія; слѣдовательно, ему не удалось окончить высшихъ классовъ духовной школы; но низшую

¹⁾ Какъ это видно изъ „исповѣдныхъ росписей“ 1808 и 1810 годовъ.

²⁾ Въ справкѣ Калужской Консисторіи замѣчается нѣкоторая неясность при опредѣленіи момента, до котораго о. Сергѣевъ оставался въ с. Забѣлинѣ. Прежде всего, въ справкѣ содержится рѣшительное утвержденіе, что о. Сергѣевъ былъ при церкви с. Забѣлина до 1810 года, о чемъ свидѣтельствуетъ его подпись метрическихъ книгъ за 1809 годъ, на что указываетъ замѣчаніе „ревизской сказки“ 1811 года, что священническое мѣсто въ с. Забѣлинѣ въ 1809 году числилось уже *убылымъ*, и о чемъ говорить то, что дѣло о назначеніи ему преемника возникло въ томъ же 1809 году. Но съ другой стороны, справка отмѣчаетъ, что метрическія книги Калужской Покровской церкви за 1809 годъ были выданы изъ Консисторіи тоже о. Сергѣеву, каковое обстоятельство говоритъ уже о томъ, что въ 1809 году онъ состоялъ при Покровской церкви въ Калугѣ. Намъ кажется, эта неясность легко можетъ быть устранена предположеніемъ, что о. Сергѣевъ былъ перемѣщенъ изъ с. Забѣлина въ Калугу въ концѣ 1809 года и во всякомъ случаѣ не раньше второй половины этого года. При такомъ предположеніи становятся понятными тѣ сбивчивыя указанія консисторской справки, которыя мы отмѣтили выше. Метрическія книги за 1809 годъ непременно должны были быть подписанными о. Сергѣевымъ, такъ какъ именно онъ и велъ ихъ въ теченіе если не всего, то во всякомъ случаѣ большей половины этого года. „Ревизская сказка“ 1811 года вполне основательно могла назвать священническое мѣсто въ с. Забѣлинѣ *убылымъ* въ 1809 году, такъ какъ дѣйствительно оно въ этомъ году осталось празднымъ послѣ ухода о. Сергѣева. Въ этомъ же году могло, конечно, возникнуть и дѣло объ опредѣленіи въ с. Забѣлино новаго священника. Наконецъ, и метрическія книги Калужской Покровской церкви за 1809 годъ могли быть выданы именно о. Сергѣеву, хотя онъ и поступилъ къ этой церкви, когда годъ уже кончался, такъ какъ этотъ приходъ послѣ смерти его предшественника, умершаго въ 1808 году, сравнительно долгое время оставался безъ священника, а потому и книги не выдавались въ теченіе почти всего 1809 года.

³⁾ Въ консисторской справкѣ указывается, что метрическія книги Покровской церкви за 1811 годъ были выданы уже не о. Сергѣеву, а его преемнику Стефану Петрову который и подписалъ ихъ.

школу онъ прошелъ полностью.¹⁾ Это обстоятельство, вѣроятно, и было одной изъ причинъ, почему онъ, будучи такимъ молодымъ, получилъ священническое мѣсто. Его „ученость“ въ данномъ случаѣ восполняла недостатокъ служебнаго опыта, а главное—позволяла для него сдѣлать исключеніе въ отношеніи каноническихъ требованій.²⁾ Сдѣлавшись священникомъ, о. Сергѣевъ своимъ усердіемъ по службѣ вскорѣ же обратилъ на себя вниманіе начальства и довольно замѣтно сталъ выдѣляться изъ среды своей собратіи. Въ 1802 году, т. е. черезъ семь лѣтъ по рукоположеніи въ священный санъ, онъ является уже выборнымъ отъ духовенства депутатомъ³⁾. Его „старательность“ по службѣ, видимо, рѣзко бросалась въ глаза окружающимъ, такъ что многіе изъ сотоварищей стали даже подозрительно относиться къ нему, какъ молодому выскочкѣ и честолюбивому карьеристу.⁴⁾

Во времена о. Сергѣева въ предѣлахъ Калужской губерніи широкой волной стало разливатьсѣ ученіе хлыстовско-скопческой секты⁵⁾. Число послѣдователей ея пополнялось не только простецами по вѣрѣ, но и лицами духовнаго званія, т. е. лицами, болѣе освѣдомленными въ вопросахъ православнаго ученія. Опасность для церковнаго дѣла была явная и при томъ большая. Въ начатой съ сектантами борьбѣ о. Сергѣевъ принялъ очень дѣятельное участіе. Сначала онъ былъ вынужденъ къ этому распоряженіемъ епархіальной власти, но вскорѣ затѣмъ борьба съ христовщиной такъ захватила его, что стала основнымъ мотивомъ его пастырской дѣятельности, а также и центромъ его личныхъ интересовъ. Эту борьбу онъ велъ далеко не обычнымъ въ то время путемъ. Снѣдаемый ревностью по Богѣ и церкви, увлекаемый рвеніемъ къ тщательнѣйшему прохожденію должности и усердіемъ къ исполненію архипастырской воли, о. Сергѣевъ шелъ при этомъ по пути, обычно практикуемому и теперь нашими православными

¹⁾ Курсъ духовной школы въ то время состоялъ изъ двухъ отдѣленій. Пяитика или поэзія представляла собой первый классъ высшаго отдѣленія, соответствующій теперь первому классу семинаріи, за которымъ слѣдовали: реторика, философія и богословіе. См. *Знаменскій П.*, Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года. Казань. 1881. Стр. 680—806.

²⁾ Церковные каноны требуютъ для священническаго сана не менѣе 30-лѣтняго возраста.

³⁾ См. въ предисловіи сочиненія о. Сергѣева.

⁴⁾ Намѣкъ на это можно видѣть въ томъ же предисловіи.

⁵⁾ См. наше изданіе: „Дѣло о христовщинѣ“ (*Рус. Арх.* 1915 г. № 2).

миссіонерами, для которыхъ цѣль всегда оправдываетъ всякія средства. Борьба требовала отъ о. Сергѣева большого напряженія и была сопряжена съ опасностями для его личной жизни. Но онъ увлекался ею, имѣя въ виду одну только цѣль—благо церкви, какъ онъ его понималъ.

На борьбу съ христовщиной о. Сергѣевъ выступилъ въ 1802 году. Въ этомъ году благочинному, священнику Калужской Крестовоздвиженской, что на Воробьевкѣ, церкви Ивану Семенову, имѣвшему специальное назначеніе слѣдить за ересями и расколомъ въ Калужской епархіи¹⁾, удалось обнаружить, что священникъ с. Князь-Иванова Константинъ Ивановъ и понамарь Петръ Семеновъ впади въ заблужденіе секты, именуемой „христовщина“²⁾. На словесное донесеніе объ этомъ преосвященному Теофилакту, епископу Калужскому и Боровскому, о. Семеновъ получилъ приказаніе „всепреложѣйше дойти до открытія“ секты. Но, въ виду отдаленности его мѣстожителства отъ с. Князь-Иванова, онъ оказался не въ состояніи выполнить это распоряженіе. Поэтому о. Семеновъ поручилъ разслѣдованіе дѣла о. Сергѣеву, „яко живущему по близости къ означенному селу“ и „яко избранному уже депутату“³⁾. Приступивъ къ исполненію возложеннаго на него порученія, о. Сергѣевъ сразу же долженъ былъ убѣдиться, что ему вручено дѣло чрезвычайной трудности и что для достиженія цѣли нужны исключительныя мѣры.

О. Сергѣевъ въ „предисловіи“ къ своему сочиненію этотъ, немало стоившій для него, подвигъ описываетъ такимъ образомъ. Сначала онъ всячески старался узнать сущность заблужденія путемъ разспросовъ какъ самихъ сектантовъ, такъ и другихъ лицъ. Но такимъ способомъ онъ „ничего не могъ доискаться“: опрашиваемыя имъ лица отвѣчали заирательствомъ и незнаніемъ. Тогда о. Сергѣевъ сталъ указывать, что о нихъ многіе соблазняются и что, если они дѣйствительно удалились отъ благочестія, то было бы благоразумнѣе оставить заблужденіе и паки обратиться къ православной церкви. На это онъ получилъ такой отвѣтъ: „поди прочь отъ насъ, нечистота; у насъ тебѣ взять нечего; мы такъ же вѣруемъ, какъ и ты“⁴⁾. Рѣзкій отвѣтъ повергъ о. Сергѣева въ уныніе. Онъ сталъ терять надежду проникнуть въ тайны

¹⁾ См. въ предисловіи труда о. Сергѣева.

²⁾ См. тамъ же.

„людей божіихъ“ и уже намѣревался вовсе отстать отъ нихъ, тѣмъ болѣе, что и самому ему „наскучило заниматься съ ними всегда единообразными матеріями и разговорами“. Но сознание долга и мысль о той опасности, которая угрожала бы церкви со стороны сектантовъ, если ихъ оставить въ покоѣ, возбудили въ немъ упавшую энергію, и онъ рѣшился прибѣгнуть къ крайнему способу. Онъ сталъ съ ними сближаться и показывать видъ, что самъ сомнѣвается въ истинахъ православія и готовъ даже стать послѣдователемъ ихъ секты. Этотъ приѣмъ оказался болѣе дѣйствительнымъ: сектанты охотнѣй пошли на сближеніе съ нимъ. Но и при такихъ условіяхъ конечная цѣль оказалась еще очень далекой: о. Сергѣеву пришлось „почти девять мѣсяцевъ“ быть у нихъ на положеніи „ученика“ и всячески къ нимъ приспособляться. И только по истеченіи этого срока, ему удалось достигнуть того, къ чему онъ стремился.

Такъ описываетъ свой „подвигъ“ самъ о. Сергѣевъ. Но это описаніе носитъ довольно общій характеръ: о. Сергѣевъ не называетъ здѣсь лицъ, съ которыми главнымъ образомъ ему пришлось имѣть дѣло, и не говоритъ опредѣленно о томъ конкретномъ способѣ, который былъ употребленъ имъ для достиженія цѣли. Изданное нами дѣло „О христовцинѢ“ даетъ возможность дополнить это описаніе ббльшими подробностями.

Ближайшая задача о. Сергѣева, какъ она опредѣлена въ доношеніи Синоду еп. Теофилакта, заключалась въ томъ, чтобы сблизиться съ о. Ивановымъ, заручиться его расположеніемъ, войти къ нему въ довѣріе. Шестъ мѣсяцевъ¹⁾ о. Сергѣевъ долженъ былъ употребить на одно „изысканіе средствъ“ для этого. И только послѣ того, какъ онъ „сдѣлалъ видъ“, что согласенъ быть его секты послѣдователемъ, о. Ивановъ взошелъ съ нимъ въ тѣсное дружелюбіе. Такъ была достиг-

¹⁾ Въ предисловіи къ своему сочиненію о. Сергѣевъ говоритъ, что ему пришлось быть у сектантовъ на положеніи ученика почти девять мѣсяцевъ; здѣсь же сообщается, что о. Сергѣевъ долженъ былъ употребить на изысканіе средствъ къ сближенію съ ними шесть мѣсяцевъ. Получается, повидимому, разница, которая можетъ быть объяснена тѣмъ, что въ предисловіи о. Сергѣевъ имѣлъ въ виду все время своего общенія съ сектантами, вплоть до момента торжественнаго вступленія его въ секту; въ „дѣлѣ“ же указывается срокъ, употребленный имъ только на одно изысканіе средствъ къ сближенію, за которымъ долженъ былъ слѣдовать періодъ сближенія и моментъ формальнаго присоединенія къ сектантскому обществу.

нута о. Сергѣевымъ ближайшая цѣль. Но этого для него было, конечно, мало. Дружелюбіе съ о. Ивановымъ являлось для него только средствомъ проникнуть въ тайны секты, въ частности получить доступъ на богослужебныя собранія сектантовъ. Эти собранія были совершенно недоступны для лицъ, не принадлежащихъ формально къ сектѣ. Поэтому о. Сергѣеву надлежало совершить торжественное вступленіе въ общество „людей божіихъ“. На первой недѣлѣ Петровскаго поста 1803 года, на собраніи въ домѣ священника о. Константина Иванова надъ нимъ былъ совершенъ обычный чинъ приѣма. Съ этого момента онъ формально сталъ «хлыстомъ»¹⁾ и получилъ возможность безпрепятственно

¹⁾ Былъ ли о. Сергѣевъ искреннимъ послѣдователемъ христовщины? Этотъ вопросъ до сихъ поръ рѣшался въ утвердительномъ смыслѣ. Теперь же на него можетъ быть данъ только отрицательный отвѣтъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно внимательно прочесть предисловіе къ сочиненію о. Сергѣева. Здѣсь истинная роль о. Сергѣева раскрыта съ особенною ясностью и полнотой. Правда, въ предисловіи говоритъ самъ о. Сергѣевъ, и ему можно, конечно, не вѣрить. Поэтому вполне естественнымъ представляется разборъ тѣхъ оснований, которыя приводятъ изслѣдователи въ подтвержденіе мысли объ искренности сектантскаго настроенія о. Сергѣева. По мнѣнію изслѣдователей, считалъ о. Сергѣева искреннимъ „хлыстомъ“ заставляетъ прежде всего то, что онъ находился въ продолжительной перепискѣ съ скопческимъ хлыстомъ, а главное—то, что онъ вмѣстѣ съ понамаремъ Петромъ Семеновымъ принималъ скопческую присягу, чего не только не долженъ былъ, но и нравственно не могъ дѣлать, доколѣ признавалъ себя сыномъ православной церкви. (См. ст. *Доброгорскаго* въ *Кал. Еп. Вѣд.* 1871 г., № 2 стр. 43.) Итакъ, первое основаніе считалъ о. Сергѣева искреннимъ послѣдователемъ секты „людей божіихъ“ заключается въ его перепискѣ съ лже-хлыстомъ или точнѣе—съ Кондратіемъ (Селивановымъ), основателемъ скопчества. Мы отрицаемъ мысль о существованіи письменныхъ сношеній о. Сергѣева съ Кондратіемъ (Селивановымъ). Письма или посланія, на которыя ссылаются изслѣдователи, адресованы по нашему мнѣнію, не къ о. Сергѣеву, а къ какому то другому лицу. Въ письмахъ Кондратій не называетъ о. Сергѣева его полнымъ именемъ, въ нихъ стоятъ только инициалы: И. С. Нѣтъ никакихъ оснований полагать, что эти инициалы должны относиться только къ о. Сергѣеву. Мы съ одинаковымъ правомъ можемъ думать, что подъ ними авторъ писемъ разумѣлъ другое лицо, имѣвшее въ своемъ имени и отчество тѣ же начальныя буквы. И въ нѣкоторыхъ рукописяхъ мы дѣйствительно встрѣчаемъ другіе инициалы, какъ напр., въ одной изъ рукописей Казанскій Дух. Академіи.—По мнѣнію изслѣдователей, означенная переписка относится къ первому десятилѣтію 19 столѣтія (*Надеждинъ, Н. И.*, Изслѣдованіе о скопческой ереси, въ изданіи Кельсѣева, стр. 112), или точнѣе—къ періоду времени между 1803 и 1808 годами (*Кутеповъ, Секты хлыстовъ и скопцовъ*, стр. 199). Но допустить это совершенно невозможно, такъ какъ въ 1803 году настоящая роль о. Сергѣева была уже раскрыта предъ сектантами и едва ли къ нему послѣ этого могъ писать глава скопческой секты такіа теплыя и задушевныя письма.—Вторымъ побужденіемъ настаивать на искренности заблужденія о. Сергѣева является фактъ принятія имъ хлыстовско-скопческой присяги. Факта этого отрицать, конечно, нельзя; но нельзя также и переоцѣнивать его настоящаго значенія. О. Сергѣевъ принялъ присягу, „вида ради“. Это было извѣстное

посѣщать сектанскія собранія. Но о. Сергѣевъ недолго пользовался открывшеюся для него возможностью. Онъ посѣтилъ всего только два собранія: одно, бывшее въ началѣ Петровскаго поста въ домѣ священника о. Иванова, и другое—бывшее въ селѣ Истоминоѣ, Тарусскаго уѣзда, въ домѣ крестьянина Филиппа Степанова. Въ первыхъ же числахъ сентября этого года о. Сергѣевъ уже явился къ благочинному Ивану Семенову и подробно донесъ ему обо всемъ, что онъ „самъ видѣлъ и отъ нихъ слышалъ“. Вскорѣ же послѣ этого было начато формальное слѣдствіе, и истинная роль о. Сергѣева была обнаружена предъ сектантами, которые еще такъ недавно присутствовали при его торжественномъ вступленіи въ ихъ секту.

Исполнивъ возложенное на него порученіе, о. Сергѣевъ, повидимому, могъ бы и успокоиться. Но тѣ впечатлѣнія, которыя были получены имъ во время общенія съ „людьми божьими“, оказались настолько сильными, что онъ возмѣнилъ намѣреніе продолжать работу, направленную противъ сектантовъ. Непосредственное общеніе съ ними убѣдило его въ томъ, что главная причина увлеченія христовщиной заключается въ ея таинственности, и что, если повѣдать о томъ, что совершается въ ея нѣдрахъ, то вся привлекательность ея пропадетъ сама собой. И вотъ у о. Сергѣева является мысль публично вскрыть таинства этой пагубной секты. Но нѣкоторыя обстоятельства, о которыхъ самъ о. Сергѣевъ не считаетъ нужнымъ распространяться по-

средство, извѣстный приемъ, и только. Съ точки зрѣнія чистой морали поступокъ о. Сергѣева, конечно, не заслуживаетъ одобренія. Но отвѣтственность за него не должна быть всецѣло возлагаема на этого ревностнаго православнаго миссіонера. Дѣло въ томъ, что епархіальное начальство само предложило ему „сдѣлать видъ, какъ бы собственнымъ согласіемъ быть ихъ секты послѣдователемъ“. Такимъ образомъ путь былъ намѣченъ не имъ, а епархіальной властью. О. Сергѣевъ можетъ быть виновенъ только въ томъ, что слишкомъ далеко зашелъ по этому пути. Съ житейской точки зрѣнія, поступокъ о. Сергѣева не представляетъ чего либо особеннаго и исключительнаго. Въ практикѣ священника нерѣдко бывають случаи, когда его дѣйствія не могутъ быть названы абсолютно безупречными въ моральномъ отношеніи. Напр., священникъ, по сокровенному смыслу таинства исповѣди, не можетъ и не долженъ сообщать кому бы то ни было ничего, что ему повѣряютъ, какъ духовному отцу. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ силу церковно-гражданскихъ постановленій, онъ обязанъ доводить до свѣдѣнія кого слѣдуетъ, разъ ему удастся узнать на исповѣди что либо угрожающее государственному порядку. О. Сергѣева побуждала совершить неблаговидный поступокъ мысль о благѣ церкви, а священника, разглашающаго тайны исповѣди, заставляетъ дѣлать это мысль о благѣ государства.

дробно и о которыхъ поэтому приходится только догадываться,¹⁾ охладили теплоту его желанія къ исполненію этого намѣренія, и о. Сергѣевъ предалъ было все сіе совершенному молчанію. Охлажденный въ своемъ порывѣ, онъ вынужденъ былъ болѣть сердцемъ, видя часть отъ часу умножающуюся богомерзскую секту и взирая на горькую погибель послѣдующихъ оной. Но съ теченіемъ времени предъ о. Сергѣевымъ стали выявляться новыя обстоятельства, которыя уже какъ бы насильственнымъ образомъ принуждали его рѣшиться наконецъ осуществить свое давнишнее намѣреніе. Объ этихъ обстоятельствахъ самъ о. Сергѣевъ говоритъ слѣдующее: „чѣмъ я больше старался умалчивать объ ономъ расколѣ, тѣмъ чаще отъ всѣхъ вообще рождались ко мнѣ подозрѣнія, отсюду, какъ самъ я, такъ и чрезъ другихъ слышу отъ часу больше умножающіеся обо мнѣ разные ложные, постыдные и самые для меня обидные слухи: возмечтали обо мнѣ, будто бы я и самъ соблазнился, сдѣлался согласенъ съ оными раскольниками, принялъ ихъ пагубное ученіе и совершенно погрязъ въ ономъ блатѣ; стали сомнѣваться во мнѣ не токмо посторонніе, присные мои искренніе, даже и самые прихожане; а иныя причиною поставили моему молчанію то, будто бы я ослѣпленъ мздою оныхъ раскольниковъ. Вездѣ отъ всѣхъ я уже больше ничего не чувствую къ себѣ,—съ горечью продолжаетъ о. Сергѣевъ,—кромѣ единаго отвращенія, презрѣнія и униженія, а отъ прихожанъ недовѣрчивость, ибо вижу я, что слово мое уже въ нихъ не такъ стало дѣйствительно, поученія и наставленія мои не столь свято пріемлются и выполняются ими, какъ прежде“. Тяжелое моральное состояніе о. Сергѣева естественно побуждало его реагировать на тѣ сплетни, которыя создавались вокругъ его имени. Болѣе спокойный и умудренный жизненнымъ опытомъ человекъ, можетъ быть, поступилъ бы иначе. Онъ постарался бы не обращать вниманія на то, что сообщаютъ про него, въ той житейской увѣренно-

¹⁾ Намѣкъ на эти обстоятельства можно видѣть въ слѣдующихъ словахъ самого о. Сергѣева: „Многіе не одобряютъ моей ревности къ изысканію оной секты христовщины, будто бы я коснулся дѣла, совсѣмъ до меня не принадлежащаго, предъосуждаютъ меня въ томъ, что я съ послѣдователями оной, повидимому, возымѣлъ тѣсную дружбу, принялъ на себя ихъ виды и узналъ ихъ тайны“. Впрочемъ, эти то пересуды собратій о. Сергѣева и охлаждали въ немъ его миссіонерскій пылъ. Для человека, не отличающагося особенною твердостью воли, толки окружающей среды нерѣдко являются рѣшающимъ мотивомъ дѣятельности.

сти, что люди склонны поговорить, а затѣмъ и забыть. Но о. Сергѣевъ, повидимому, былъ очень чуткимъ человѣкомъ и не могъ оставаться равнодушнымъ къ злостнымъ выдумкамъ, направленнымъ противъ него, тѣмъ болѣе, что эти вздорные слухи неблагоприятно отражались на его пастырскомъ дѣлѣ. Но какимъ образомъ о. Сергѣевъ могъ реабилитировать себя? Въ данномъ случаѣ ему приходилось имѣть дѣло съ общественнымъ мнѣніемъ, разсѣять которое возможно было лишь путемъ публичнаго выступленія. И о. Сергѣевъ рѣшилъ прибѣгнуть къ печатному слову. Онъ задумалъ издать „малую книжицу“, въ коей намѣревался „ясно и подробно описать всѣ нелѣпости и слѣпоту безумцевъ; съ точнымъ показаніемъ ихъ мыслей, суевѣрій и чиноположеній, при постыдныхъ ихъ праздникахъ или богослуженіи бываемыхъ“. Это могло, по его мнѣнію, избавить отъ ложнаго подозрѣнія и всѣхъ нареканій и доказать, что совѣсть его по сей части всегда была не зазорна предъ Богомъ, и что онъ никогда не преклонялъ колѣна сердца своего Богу чуждому и не былъ измѣнникомъ какъ Богу, такъ и святой Его церкви. Такимъ образомъ чисто личный мотивъ послужилъ главнѣйшей причиной составленія о. Сергѣевымъ труда о „христовщинѣ“. Но къ этому основному побужденію у него присоединялось также и желаніе изданіемъ книги послужить на пользу церкви и отечества. „Я надѣюсь, говоритъ онъ, что сіе произведетъ желаемые мною успѣхи и моей невинности послужить оправданіемъ, потому что она богомерзская секта есть ничто иное, какъ тьма и тѣнь, не имѣющая въ себѣ никакой твердости; она при обнаруженіи всѣхъ ея непотребныхъ дѣяній скоро устыдится, а сіе самое содѣлаетъ ее недѣйствительною; почему и не нахожу я лучшаго и надежнѣйшаго средства къ пресѣченію онаго зла, уменьшенію и истребленію сей вредной новоизобрѣтенности, какъ всѣмъ сдѣлать ее извѣстною“.

Составивъ свой трудъ, о. Сергѣевъ, по всей вѣроятности¹⁾, представилъ его на разсмотрѣніе епархіальнаго начальства, которое должно было или одобрить его къ печатанію или запретить. Ознакомившись съ содержаніемъ сочиненія, епархіальная власть, повидимому, осталась

¹⁾ По крайней мѣрѣ, въ нашемъ распоряженіи нѣтъ документальныхъ данныхъ по этому вопросу.

очень довольна имъ. И, вѣроятно, вскорѣ послѣ этого, какъ бы въ поощреніе за свой трудъ, авторъ былъ переведенъ изъ села въ губернской городъ. Мы думаемъ, что это несомнѣнное для о. Сергѣева повышение находилось въ самой тѣсной связи съ его литературной работой, такъ какъ трудъ о. Сергѣева дѣйствительно являлся большой заслугой его, именно какъ священника.

Но епархіальное начальство самостоятельно, повидимому, не рѣшилось дать о. Сергѣеву разрѣшенія на печатаніе его произведенія и препроводило его съ этою цѣлью въ Св. Синодъ. Здѣсь же это дѣло не получило никакого движенія, и трудъ о. Сергѣева такъ и остался ненапечатаннымъ. Что побудило Синодъ такъ именно отнестись къ произведенію о. Сергѣева—неизвѣстно. Мы лично склонны думать, что онъ въ данномъ случаѣ поступилъ такъ потому, что опасался, какъ бы этотъ опытъ изложенія сектантскаго заблужденія вмѣсто пользы не принесъ вреда, какъ бы онъ не сталъ своего рода символической книгой для „хлыстовъ.“ И такое опасеніе Синода нельзя назвать лишнимъ всякаго основанія. Дѣло въ томъ, что до о. Сергѣева совершенно не было хотя какого нибудь изложенія сектантскаго ученія. Онъ первый сдѣлалъ попытку систематизировать отрывочныя мысли и воззрѣнія „хлыстовъ,“ свести ихъ къ единству внутренняго содержанія. И съ этой стороны его трудъ могъ быть дѣйствительно полезнымъ для нихъ. Весь полемическій элементъ¹⁾ въ книгѣ они могли, конечно, выбросить и оставить для своихъ цѣлей только изложеніе ихъ вѣроученія и культа—изложеніе, сдѣланное, нужно сказать, толково и довольно искусно. Въ данномъ случаѣ, повидимому, имѣло мѣсто опасеніе, которое впоследствии нашло себѣ оправданіе въ извѣстной исторіи съ книгою г. *Новицкаго* о духоборцахъ²⁾. Такое же опасеніе, вѣроятно, было причиной

¹⁾ Здѣсь кстати слѣдуетъ замѣтить, что полемика, которая всегда неблагоприятно отзывалась на достоинствѣ сочиненія, въ произведеніи о. Сергѣева почти отсутствовала. Вообще нужно сказать, что трудъ о. Сергѣева отличается большими литературными достоинствами, и по своему тону весьма замѣтно выдѣляется изъ числа подобныхъ же сочиненій даже позднѣйшаго времени. Литературныя занятія для о. Сергѣева, повидимому, были его привычнымъ трудомъ.

²⁾ Книга *Новицкаго* о духоборцахъ, изданная въ тридцатыхъ годахъ 19 столѣтія, была раскушлена самими духоборцами; представляя систему ихъ ученія, она сдѣлалась ихъ катехизисомъ. См. *Барсова, Н.*, Русскій престоноародный мистицизмъ (въ сборникѣ его статей подъ заглавіемъ: „Историческіе, критическіе и полемическіе опыты“. СПб. 1879. Стр. 78.)

подобнаго же отношенія высшей духовной власти и къ извѣстному изслѣдованію арх. Досифея о скопческой ереси¹⁾.

Не появившись въ печати, трудъ о. Сергѣева вскорѣ, однако, сталъ распространяться въ обществѣ въ видѣ отдѣльныхъ рукописныхъ копій. Какъ и когда произошло появленіе первоначальной его копіи—мы сказать затрудняемся. Но намъ извѣстно, что эти копіи стали появляться довольно рано. Одна изъ этихъ копій, представляющая собой копию съ копіи, датирована 1829²⁾. Большинство копій не оправдываютъ собой такого названія. Онѣ представляютъ собой не полные списки труда о. Сергѣева, а только выдержки изъ него, дающія, собственно, очень слабое представленіе о дѣйствительномъ содержаніи его.

Но гдѣ же самый подлинникъ произведенія о. Сергѣева? Всего естественнѣе было бы ожидать, что онъ находится въ дѣлахъ Св. Синода, куда онъ былъ отправленъ на предварительную цензуру. Но здѣсь его нѣтъ³⁾. Чѣмъ объяснить такое явленіе? Возможны два предположенія: или трудъ о. Сергѣева въ дѣйствительности не былъ представленъ въ Синодъ, или былъ къмъ то взятъ отсюда и не возвращенъ. Первое предположеніе не можетъ быть допущено. Правда, среди документовъ архива Св. Синода нѣтъ дѣла о присылкѣ труда о. Сергѣева на разсмотрѣніе высшей духовной власти. Но это не значитъ еще, что его и не было. Въ спискахъ сочиненія о. Сергѣева прямо указывается, что этотъ трудъ былъ представленъ въ Св. Синодъ, при чемъ опредѣленно сообщается, что это событіе произошло въ 1809 году. Остается принять второе предположеніе, что сочиненіе о. Сергѣева неизвѣстно когда и къмъ было изъято изъ дѣлъ Синодальнаго архива. Если это такъ, то не здѣсь ли нужно искать разгадку появленія первоначальной копіи труда о. Сергѣева. Въ данномъ случаѣ могло имѣть мѣсто то же самое, что было съ пѣснями „хлыстовъ“, записанными о. Сергѣевымъ и представленными въ Синодъ еп. Феофилактомъ при доношеніи отъ 3 октября

¹⁾ См. въ той же статьѣ Барсова Н., стр. 77.

²⁾ Таковъ списокъ труда о. Сергѣева, хранящійся въ Историческомъ Музеѣ подъ № 31049/669.

³⁾ На запросъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи отъ 8 января 1915 г. Начальникъ Архива и Библіотеки Св. Синода любезно сообщилъ, что „въ дѣлахъ, а равно и рукописяхъ Синодальнаго Архива не найдено записки священника Калужской епархіи Ивана Сергѣева“.

1803 года въ подлинномъ видѣ¹⁾). Какъ бы то ни было, но вопросъ о томъ, куда дѣвалась подлинная рукопись о. Сергѣева и гдѣ она находится въ настоящее время, за неимѣніемъ опредѣленныхъ данныхъ, долженъ быть оставленъ совершенно открытымъ.

Выше мы видѣли, что трудъ о. Сергѣева предназначался имъ для печати и собственно долженъ былъ бы представлять собою „малую книжицу“ съ подробнымъ описаніемъ всѣхъ „хлыстовскихъ“ нелѣпостей. Такимъ образомъ обычное названіе сочиненія о. Сергѣева „Запиской“, представленной имъ въ 1809 году Св. Синоду, не вполне соотвѣтствуетъ его дѣйствительному назначенію и ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть признано правильнымъ. Это не „докладная записка“ сельскаго священника высшей духовной власти по дѣлу о христовской сектѣ, а обширное сочиненіе о христовщинѣ, предназначавшееся авторомъ для широкаго круга читателей.

Въ извѣстныхъ намъ спискахъ трудъ о. Сергѣева носить различныя заглавія. Въ большинствѣ случаевъ онъ называется: „Изъясненіе раскола, имянуемаго христовщина или хлыстовщина“; иногда же это заглавіе нѣсколько сокращается и сочиненіе обозначается такъ: „О расколѣ, имянуемомъ христовщина или хлыстовщина“; въ одномъ спискѣ трудъ о. Сергѣева названъ просто: „Хлыстовщина (хлысты). Записка священника Сергѣева“. Какое изъ перечисленныхъ названій должно быть признано подлиннымъ—опредѣленно сказать не можемъ. Но думаемъ, что первое изъ нихъ имѣетъ больше основаній считаться подлиннымъ названіемъ, даннымъ самимъ авторомъ своему сочиненію, такъ какъ второе является ни чѣмъ инымъ, какъ простымъ сокращеніемъ перваго, а третье представляетъ собой не оглавленіе сочиненія, а простую библиотечную помѣтку рукописи, почему то оказавшейся безъ перваго выходного листа. Поэтому трудъ о. Сергѣева слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, предпочтительнѣе обозначать именно первымъ заглавіемъ.

Трудъ о. Сергѣева, какъ мы сказали, представляетъ собою первый опытъ систематическаго изложенія вѣроученія и культа хлыстовско-скопческой секты. Но здѣсь же предлагаются и историческія свѣдѣнія о ней. Такимъ образомъ въ своемъ произведеніи о. Сергѣевъ выступаетъ предъ нами: какъ историкъ секты, какъ систематизаторъ ея вѣроученія

¹⁾ См. наше изданіе: „Дѣло о христовщинѣ“.

и какъ описатель культовыхъ и другихъ особенностей сектантскаго общества.

Историческая часть труда о. Сергѣева является въ общемъ довольно слабой. Она заключаетъ въ себѣ очень скудныя свѣдѣнія о прошлой исторіи хлыстовщины и скопчества. Это объясняется, какъ намъ кажется, главнымъ образомъ тѣмъ, что о. Сергѣевъ самъ не ставилъ себѣ задачи подробно излагать исторію секты. Въ своемъ трудѣ онъ касается вопроса только о началѣ, о происхожденіи секты, не предпринимая даже и малѣйшей попытки представить ея дальнѣйшую исторію. Конечно, это, по нашему мнѣнію, не можетъ не отражаться неблагопріятнымъ образомъ на общей цѣнности произведенія о. Сергѣева. Если бы авторъ далъ себѣ трудъ прослѣдить, хотя вкратцѣ, исторію секты, онъ встрѣтился бы съ такими вопросами, выясненіе которыхъ придало бы его сочиненію гораздо большее значеніе. Предъ нимъ несомнѣнно встала бы легенда о погубленіи въ хлыстовской сектѣ младенцевъ и о причащеніи тѣломъ и кровью ихъ, возникъ бы вопросъ о различныхъ безнравственныхъ дѣяніяхъ сектантовъ, соединенныхъ у нихъ будто бы съ богослужебнымъ культомъ, и пр., пр.¹⁾ И для изслѣдователя русскаго мистическаго сектантства было бы чрезвычайно важно знать, какъ отнесся бы къ такимъ вопросамъ о. Сергѣевъ.

Впрочемъ, если бы даже о. Сергѣевъ и поставилъ своей задачей дать историческій очеркъ секты, то едва ли онъ былъ бы въ состояніи выполнить ее. Дѣло въ томъ, что въ распоряженіи о. Сергѣева не было почти никакихъ историческихъ матеріаловъ, касающихся прошлаго хлыстовско-скопческаго заблужденія. Онъ имѣлъ предъ собою только „Розыскъ“ Дмитрія Ростовскаго, который для исторіи секты давалъ, конечно, чрезвычайно мало. Главное и существенное значеніе для о. Сергѣева въ этомъ случаѣ могли бы имѣть только слѣдственные дѣла о хлыстахъ и скопцахъ, производившіяся въ 18 столѣтіи. Но они, конечно, не были доступны для него, и, вѣроятно, даже самое существованіе ихъ не было извѣстно ему. Вотъ почему, на примѣръ, отъ него совершенно ускользнулъ начальный моментъ исторіи скопче-

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду тѣ вопросы, которые были предметомъ особливаго изслѣдованія со стороны слѣдственныхъ Комиссій о раскольникахъ 18 столѣтія. См. *Нечаева, В.В.*, Дѣла слѣдственныхъ о раскольникахъ Комиссій 18 вѣка (Описаніе документовъ и бумагъ, хранящихся въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи. Кн. 6).

ства, которой онъ могъ изобразить только на основаніи перваго слѣдственнаго дѣла о лицахъ, оскопившихъ себя¹⁾.

Однако, не смотря на скудость историческихъ данныхъ, которымъ располагалъ о. Сергѣевъ, въ этой части его труда мы встрѣчаемся съ такими сужденіями, которыя обращаютъ на себя вниманіе, какъ впервые высказанныя научныя гипотезы. О. Сергѣевъ первый остановился на словахъ „Розыска“ о мужикѣ лже-христѣ, родомъ турченинѣ, и на основаніи этого, между прочимъ, свидѣтельства пытался установить связь христовщины съ магометанскимъ дервишествомъ. Это соображеніе не разъ повторялось и позднѣйшими изслѣдователями, когда имъ приходилось затрагивать вопросъ о первоначальномъ происхожденіи секты „людей божіихъ“. О. Сергѣеву первому принадлежитъ мысль о томъ, что христовщина не представляетъ собой самостоятельной, совершенно обособленной секты, возникшей внѣ всякаго вліянія существовавшихъ уже заблужденій. Онъ прямо заявляетъ, что она является лишь „исчадіемъ“ „разныхъ расколовъ, въ Россіи возникшихъ“. Христовщина, по мнѣнію о. Сергѣева, только впитала въ себя то, что уже существовало на русской почвѣ. Такъ въ первый разъ была высказана мысль о чисто русскомъ происхожденіи христовщины, которая лишь объединила въ себѣ ранѣе существовавшіе отдѣльные элементы русскаго религіознаго разномыслія.

Но разсужденія о. Сергѣева, имѣющія историческій характеръ не составляютъ главнаго и основнаго содержанія его труда. Наиболѣе существеннымъ въ произведеніи о. Сергѣева является представленное имъ систематическое изложеніе ученія сектантовъ.

Върученіе хлыстовъ и скопцовъ изложено о. Сергѣевымъ въ формѣ стройной религіозной системы. Общія основанія и главные пункты этой системы давно уже введены въ научный оборотъ, благодаря краткому изложенію ея, сдѣланному проф. Н. Барсовымъ²⁾. Поэтому намъ нѣтъ нужды останавливаться на ея содержаніи. Но мы считаемъ нужнымъ поставить вопросъ о томъ, какъ относиться къ этому изложенію о. Сергѣева, можно ли его признать вполнѣ точнымъ и объективнымъ, или нѣтъ? По нашему мнѣнію, прежде всего какъ всякая систематизація,

¹⁾ См. наше изданіе: „Первый скопческій процессъ“.

²⁾ Въ статьѣ: „Русскій престопаходный мистицизмъ“.

изложеніе о. Сергѣева неизбѣжно носить въ извѣстной мѣрѣ субъективный характеръ. Затѣмъ, если бы эта систематизація была произведена кѣмъ либо изъ главарей секты, тогда можно было бы еще говорить о томъ, что мы имѣемъ дѣло съ подлиннымъ вѣроученіемъ ея. Но въ данномъ случаѣ сектантское вѣроученіе систематизировалъ человекъ, принадлежавшій по своимъ убѣжденіямъ къ противоположному лагерю, болѣе образованный и болѣе свѣдущій въ вопросахъ вѣры. Едва ли такой систематизаторъ могъ остаться совершенно объективнымъ при изложеніи вѣроученія сектантовъ, по отношенію къ которымъ онъ несомнѣнно испытывалъ извѣстное враждебное чувство; онъ, какъ православный миссіонеръ, невольно долженъ былъ стремиться къ тому, чтобы представить ихъ наиболѣе вредными для церкви людьми. Какъ человекъ „книжный“, знакомый съ церковной исторіею, о. Сергѣевъ незамѣтно могъ привнести въ свое изложеніе черты, которыхъ могло и не быть въ ученіи сектантовъ. Едва ли у „хлыстовъ“, въ значительномъ большинствѣ—простыхъ неграмотныхъ русскихъ крестьянъ, было такое углубленное пониманіе основныхъ пунктовъ православной догматики, какъ это представляетъ о. Сергѣевъ. Едва ли они въ состояніи были понять и усвоить воззрѣніе еретика Несторія, духъ и характеръ котораго слишкомъ замѣтно выступаютъ въ изложеніи о. Сергѣева. Словомъ, для насъ субъективный характеръ изложенія о. Сергѣева не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вопросъ можетъ быть только въ томъ, какъ далеко простирался этотъ субъективизмъ. Но дать опредѣленный отвѣтъ на это совершенно невозможно. Въ такомъ случаѣ была бы нужна тщательная провѣрка тѣхъ источниковъ, которыми пользовался о. Сергѣевъ. Но этихъ источниковъ въ дѣйствительности мы провѣрить не можемъ, такъ какъ они лишены конкретныхъ формъ и заключались или въ его личные наблюденія, или въ слухахъ, полученныхъ имъ отъ другихъ лицъ.

Гораздо большую цѣнность для изслѣдователя представляетъ та часть труда о. Сергѣева, въ которой содержится описаніе культовыхъ особенностей секты. Въ христовщинѣ и скопчествахъ, какъ въ сектахъ мистическихъ, культъ имѣетъ большее значеніе, чѣмъ догматическое ученіе. Онъ является предметомъ особеннаго вниманія сектантовъ, и въ немъ по преимуществу сказывается душа и сущность секты. Но культъ въ сектахъ мистическихъ не представляетъ собой окончательно сложившейся формы богообщенія, онъ не пріобрѣтаетъ здѣсь характера

исторической окаменѣлости. Напротивъ, культъ мистиковъ очень подвиженъ и измѣнчивъ, какъ подвижно и измѣнчиво въ формахъ своего проявленія религиозное чувство мистика. Поэтому собственно всякое описаніе культа мистическихъ сектъ должно представлять большой историческій интересъ. Съ этой точки зрѣнія и трудъ о. Сергѣева имѣетъ исключительно важное значеніе. Онъ является извѣстнаго рода фиксаціей текущаго момента секты. О. Сергѣевымъ записано то, что было выработано сектой къ его времени. И изслѣдователь, благодаря такому описанію, опредѣленно можетъ сказать, что въ ней принадлежитъ отдаленнымъ временамъ и что должно быть отнесено къ позднѣйшему періоду ея исторіи. Но можетъ ли быть признано точной фиксаціей описаніе культовыхъ особенностей секты, сдѣланное о. Сергѣевымъ? Не могло ли быть и здѣсь авторскаго субъективизма? Мы уже указывали, что главными источниками, которыми пользовался о. Сергѣевъ, являлись его личныя наблюденія и доходившіе до него слухи. Сомнѣваться въ томъ, что онъ описывалъ на основаніи личныхъ наблюденій, у насъ нѣтъ достаточныхъ основаній. Насколько же достовѣрны были доходившіе до него слухи, провѣрялъ ли онъ ихъ или принималъ на вѣру—сказать объ этомъ что-либо опредѣленное мы не можемъ. Не можемъ мы знать опредѣленно также и о томъ, что именно написано о. Сергѣевымъ на основаніи личныхъ наблюденій и что на основаніи слуховъ. Такимъ образомъ мы не располагаемъ объективными данными для рѣшенія поставленнаго нами вопроса. Тѣмъ не менѣе, позволяемъ думать, что въ этой части своего произведенія о. Сергѣевъ могъ быть наиболѣе объективнымъ писателемъ. Онъ собственно являлся здѣсь простымъ изобразителемъ того, что видѣлъ и слышалъ. Личное творчество его въ данномъ случаѣ могло сказываться лишь на формѣ изложенія, но не касалось существа изображаемаго явленія. Онъ могъ не совсѣмъ точно описать ту или другую культовую особенность, могъ не уловить всѣхъ подробностей ея, но не могъ совсѣмъ выдумать ее. Основа всего того, что описывалъ о. Сергѣевъ, несомнѣнно существовала; дефекты могли быть допущены имъ лишь въ отношеніи какихъ либо частныхъ, не имѣющихъ въ общемъ существеннаго значенія. И до тѣхъ поръ, пока не будутъ опубликованы объективные данныя, подрывающія правдивость описанія о. Сергѣева, изслѣдователю русскаго мистическаго сектантства надлежитъ относиться

къ нему, какъ къ описанію, сдѣланному наблюдательнымъ и довольно правдивымъ современникомъ.

Мы видѣли, что о. Сергѣевъ наблюдалъ и изучалъ христовщину и скопчество въ предѣлахъ Калужской губерніи. Естественно можетъ возникнуть вопросъ: не носить ли и трудъ его чисто мѣстнаго характера? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, собственно надлежало бы сравнить произведеніе о. Сергѣева съ другими, подобными же источниками, касающимися иныхъ мѣстъ, но относящимися къ тому же времени. Но этого сдѣлать совершенно невозможно, такъ какъ другихъ подобныхъ историческихъ памятниковъ, мы не имѣемъ. Думаемъ, однако, что трудъ о. Сергѣева отражаетъ въ себѣ именно общія черты, присущія въ то время всей вообще христовщинѣ, послѣдователи которой уже въ тотъ моментъ были разбросаны почти по всѣмъ уголкамъ нашего обширнаго отечества. На это указываютъ дошедшіе до насъ отъ того времени официальные документы,¹⁾ объ этомъ же даетъ понятіе и самъ о. Сергѣевъ въ тѣхъ, напр., мѣстахъ своего произведенія, гдѣ говоритъ о тожествѣ организаціи у сектантовъ, хотя и разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ.

Итакъ, исчерпывающее опредѣленіе научной цѣнности труда о. Сергѣева принадлежитъ пока еще будущему. Съ обнаруженіемъ какихъ либо новыхъ данныхъ, можетъ быть, понизится его научная значимость. Но въ настоящее время мы съ полнымъ убѣжденіемъ можемъ сказать только одно, что трудъ о. Сергѣева безспорно имѣетъ большое значеніе въ дѣлѣ²⁾ историческаго изученія секты „людей божіихъ“³⁾.

Отсутствіе полнаго изданія столь важнаго памятника и побудило насъ восполнить этотъ пробѣлъ въ литературѣ по исторіи русскаго мистическаго сектантства. Издавать трудъ о. Сергѣева намъ прихо-

¹⁾ Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ въ виду отчетъ Симбирскаго Гражданскаго Губернатора князя Долгорукаго за 1808 годъ, хранящійся въ архивѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

²⁾ Въ изданіи: „Дѣло о христовщинѣ“ мы недостаточно подробно высказали свое мнѣніе о сочиненіи о. Сергѣева. Этимъ и можетъ быть объяснено нѣкоторое кажущееся противорѣчіе между тѣмъ, что сказано нами тогда и тѣмъ, что утверждаемъ мы теперь.

³⁾ Кстати замѣтимъ, что трудъ о. Сергѣева можетъ имѣть значеніе не только для изслѣдователя хлыстовско-скопческой секты, но и для историка народной словесности. Въ своемъ трудѣ о. Сергѣевъ приводитъ цѣлую серію пѣсенъ, записанныхъ имъ со словъ сектантовъ; причѣмъ въ этой записи интересно то, что о. Сергѣевъ въ значительной степени старался удержать народный говоръ (акающій).

дится не по подлиннику, а по одному изъ списковъ его. Намъ извѣстны четыре списка этого произведенія: Историческаго Музея, Воскресенскаго монастыря, Румянцевскаго Музея и Библіотеки Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ.¹⁾ Изъ нихъ только послѣдній представляетъ собой полную копію сочиненія о. Сергѣева. По нему мы и даемъ изданіе памятника. Этотъ списокъ въ рукописи имѣетъ видъ довольно объемистой тетради, заключающей въ себѣ 65 листовъ in folio, писанныхъ двумя разными почерками весьма тщательно и довольно разборчиво; списокъ безъ всякой подписи, въ срединѣ тетради одинъ листъ оставленъ пустымъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ опущены неразобранныя переписчиками слова. Заключенъ онъ въ голубую обложку, на которой уже въ позднѣйшее время каллиграфически написано обозначеніе содержанія рукописи: „Хлыстовщина (хлысты). Записка священника Сергѣева“. Пагинація сдѣлана типографскимъ шрифтомъ.

При изданіи памятника мы не сохраняемъ особенностей его написанія, за исключеніемъ пѣсней, которыя воспроизводятся нами съ буквальной точностью. Число пѣсней, записанныхъ о. Сергѣевымъ, достигаетъ 37. Большая часть ихъ извѣстна уже въ печати. Но мы все-таки издаемъ ихъ, такъ какъ въ нихъ замѣчаются довольно любопытные варианты. Точно также мы поступаемъ и съ письмами „хлыстовскаго искупителя“, написанными имъ кому-то изъ своихъ близкихъ послѣдователей. Два письма уже напечатаны г. Мельниковымъ, а два издаются нами впервые. Впервые же появляется въ печати и письмо какого то „хлыста“ къ своимъ единомышленникамъ. Какъ попали эти письма къ о. Сергѣеву—опредѣлить, конечно, трудно. Можно сказать только одно, что невозможнаго и неестественнаго въ этомъ нѣтъ ничего, если принять во вниманіе то довѣріе, которымъ кратковременно пользовался онъ у сектантовъ.

Н. Г. Высоцкій.

¹⁾ Списокъ Историческаго Музея числится подъ № 31049/669. Списокъ Воскресенскаго монастыря въ настоящее время находится въ Патріаршей Библіотекѣ; по этому списку сочиненіе о. Сергѣева издано арх. Леонидомъ въ Чтеніяхъ Об-ва Исторіи и Древностей Россійскихъ, 1874 г., кн. 3. Въ Румянцовскомъ Музеѣ сочиненіе о. Сергѣева хранится подъ № 1259; въ Библіотекѣ же Департамента Общихъ Дѣлъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ—подъ № 312.